

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 122—130.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Special issue. P. 122—130.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.46726/И.2024.4.14

НАСКОЛЬКО ИНФОРМАТИВЕН ДЛЯ ЛИНГВИСТОВ ВЫБОР КОММУНИКАНТАМИ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ РЕШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАЧ?

Людмила Ивановна Гришаева

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Россия, grishaewa@rgph.vsu.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску ответов на вопрос об основаниях вариативности выбора носителями языка и культуры средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи. Для этого изучаются ответы респондентов относительно степени понимания ими выражений, которые сам автор изучаемого людического текста характеризует как неизвестные большинству носителей языка. На основе сопоставления комментариев автора к анализируемым языковым средствам, с одной стороны, и комментариев респондентов к тем же средствам, с другой, делаются выводы относительно корреляции когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий, проявляющихся в языковой культуре через способы организации интеракций. Обобщаются наблюдения относительно соотношения конвенционального и креативного в использовании языка как средства познания и коммуникации.

Ключевые слова: когнитивные, номинативные, коммуникативные стратегии; интеракция как решение коммуникативной и когнитивной задачи; соотношение конвенционального и креативного; личностная и коллективная идентичность единичного субъекта; парадоксальность выбора языковых средств

Для цитирования: Гришаева Л.И. Насколько информативен для лингвистов выбор коммуникантами средств и способов решения коммуникативных задач? // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Специальный выпуск. С. 122—130.

Для всех, кто предметно заинтересован в изучении принципов порождения и рецепции текстов, по-прежнему остается трудно разрешимой загадкой выбор коммуникантами средств и способов решения некоторой коммуникативной и когнитивной задачи. Наиболее загадочным, пожалуй, правомерно признать выбор носителями языка средств и способов реализации стратегии в конкретной интеракции. Более того, упомянутый выбор вполне заслуживает характеристики «парадоксальность», поскольку во многих случаях он представляется исследователю и/или наблюдателю неожиданным, не соответствующим принятым в языковой культуре конвенциям, порой даже противоречащим нормам ожидания, неуместным своей креативностью и т. п. — не зависимо от того, какой конкретный способ объективации когнитивно и коммуникативно релевантных сведений выбрал продуцент текста (ср. примеры 1 и 2¹).

© Гришаева Л.И., 2024

¹ В примерах в скобках называется способ объективации сведений, наиболее значимых в когнитивном и коммуникативном отношении в контексте актуально сложившихся коммуникативных условий.

Пример 1: *Полину устранили как ставшую нежелательной уже для самого нежелательного...* [Lenta.ru] (игра слов); *всплыл в деле Эпштайна как потребитель несовершеннолетних...* [Lenta.ru] (нарушение семантической избирательности носителя валентности); *гражданина, который обучен шить варежки...* [Lenta.ru] (аллюзия на известные носителям (суб-)культуры обстоятельства и действия конкретных лиц).

Пример 2: *“Die Zwei-Klassen-Gesellschaft²*

In Deutschland gibt es zweierlei Menschen.

Nein, nicht Ost- und Westdeutsche! Nun verabschieden Sie sich doch einmal von Ihren Klischees, nein, Deutschland teilt sich in zwei andere Lager, in eine Minderheit und eine Mehrheit, nein, nicht in Arme und Reiche, mein Gott, können Sie denn nur in Schablonen denken! Ich meine jene, die in einer Talkshow reden, und jene, die zusehen.

Das ist unser Land” [Lange 2000: 69]

Суждения, подобные приведенным выше, отнюдь не редки, а даже, напротив, зачастую ожидаемы и желательны. Причина заключается, пожалуй, в том, что парадоксальность выбора средств и способов достижения цели в коммуникации проявляется непременно и практически в каждом акте порождения и рецепции текста, при решении различных коммуникативных и когнитивных задач разными категориями коммуникантов, а также в любой языковой культуре. Более того, приведенная характеристика свойственна функционированию языка как культурного кода, как средства познания и коммуникации.

Интерпретация замеченного парадокса амбивалентна: его правомерно охарактеризовать, с одной стороны, поверхностным, кажущимся и вместе с тем, с другой стороны, сущностным, неотъемлемым от особенностей языка как средства познания и коммуникации. Основанием для такой трактовки следует признать, во-первых, локализацию особенностей использования языка в ядерной части ментальной структуры и личностной, и коллективной идентичности единичного и коллективного субъектов как носителей языка и культуры (см. подробную аргументацию высказанного тезиса: [Гришаева 2007; 2020]). Во-вторых, необходимо подчеркнуть значимость соотношения личностной и коллективной идентичности для каждого субъекта как носителя культуры. Не менее значимым является, в-третьих, соотношение конвенционального и креативного при выборе носителями языка и культуры средств и способов решения определенной коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях (см. примеры ниже).

Сказанное требует теоретического объяснения и анализа объяснительной силы последнего через многоаспектное и комплексное изучение адекватного эмпирического материала. Теоретической базой, удовлетворяющей обозначенным условиям, резонно признать соотношение когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий. Названное соотношение можно выявить при осмыслении особенностей содержательной, формальной и функциональной организации текста некоторого типа, порождаемого в некоторых условиях разными категориями коммуникантов, поскольку текст является продуктом речемыслительной, дискурсивной, деятельности носителей языка и культуры, объективируемой разнообразными и разнородными языковыми средствами. Следует особо обратить внимание на то, что текст позволяет также судить о закономерностях варьирования инвариантов, т. е. о соотношении конвенционального

² Подчеркнуты средства апелляции к прецедентным феноменам, значимым как для немецкой культуры в целом, так и для отдельных субкультур в период существования ГДР и некоторых категорий субъектов-граждан экс-ГДР.

и креативного при использовании носителей языка языковых средств для решения своих коммуникативных задач (см. подробнее [Гришаева 2007; 2020]). Выражая ту же мысль иначе, целесообразно подчеркнуть, что, в конечном счете, речь идет о соотношении личностной и коллективной идентичности носителей языка и культуры, о значимости в языковой культуре нормативного, о соотношении узувального иokkaзионального.

В теоретическом отношении обозначенная выше корреляция позволяет судить о, по крайней мере, трех параметрах:

1) о результате категоризации и концептуализации воспринимаемых коммуникантами сведений о мире. В таком случае необходимо иметь в виду **когнитивные** стратегии того или иного типа, опознаваемые по характеру первичных/вторичных/несалиентных признаков, конвенционально значимых при подведении под прототипы ментальных категорий той или иной конфигурации сведений, воспринятых и обработанных продуцентом текста в актуальном акте познания и социальной рецепции;

2) о результате номинативной деятельности продуцента, в ходе которой продуцент из комплекса изофункциональных средств для обозначения объектов³ номинации выбирает те, которые позволяют ему объективировать итоги концептуализации и категоризации воспринимаемых сведений, профилировать и перспективировать осмысленные сведения, интерпретировать соотношение когнитивной фигуры и когнитивного фона адекватно сложившимся актуальным коммуникативным условиям. Результатом номинативной деятельности в целом становятся различные **номинативные** стратегии, прямо и опосредованно коррелирующие с результатами когнитивной деятельности носителей культуры;

3) о результате коммуникативной деятельности, ее характере и разнообразных обстоятельствах, в которых она осуществляется. Поскольку любая деятельность вариативна в количественном и качественном отношениях, необходимо иметь в виду, что одна и та же цель может быть достигнута коммуникантами разных категорий самыми разными способами и весьма разнообразными средствами и/или инструментами, т. е. через реализацию разных **коммуникативных** стратегий. Выбор стратегий взаимодействия и средств их реализации подпадает под влияние самых разных факторов, внешних и внутренних по отношению к реализуемой деятельности. По понятным причинам этот выбор не может не коррелировать с когнитивными и номинативными стратегиями, что определенным образом отражается на содержательной, формальной и функциональной организации текста того или иного типа (см. подробнее в [Гришаева 2007; 2020]).

О значимости для взаимодействия носителей культуры упомянутых выше типов стратегий можно судить по примеру 3, с помощью которого в текстах разного типа (пословица, афоризм) фиксируются разные результаты концептуализации сведений о том, что из себя представляет жизнь для носителей одной и той же языковой культуры.

Пример 3: *Жизнь прожить — не поле перейти. — Жизнь — хроническая болезнь со смертельным исходом. — Человек создан для счастья, как птица для полета.*

Для иллюстрации приведенных выше тезисов можно обратиться к анализу результатов опроса более 50 носителей немецкой культуры как представителей

³ Таковые имеют разную природу: разнообразные объекты живой и неживой природы, субъекты разных категорий, признаки и отношения разнообразной этиологии, процессы, действия, состояния, обстоятельства, фазы процесса, ситуации, фрагменты реальности и пр.

разных социальных и возрастных групп⁴ (подробнее см. в [Grischaewa]). Из текста Б.-Л. Ланге [Lange 2000: 24—32], известного своими острыми скетчами на актуальные темы, были выписаны 74 прецедентных феномена, специфичных для ГДР. Отобранные выражения интересны в том числе и тем, что сам автор, Б.-Л. Ланге, в своем тексте снабжает их весьма точным социокультурным комментарием и характеризует как незнакомые для молодого поколения, не прошедшего социализации в ГДР. Затем носителям немецкого языка было предложено дать комментарий относительно степени известности им соответствующих выражений и употребительности соответствующих выражений, а также пояснить, как они понимают последние.

В данном контексте целесообразно остановиться только на одном аспекте — на том, насколько носители языка осознают цель использования извлеченных из текста выражений, хотя анализ ответов респондентов весьма информативен с различных точек зрения (см. подробнее в [Grischaewa]). Другими словами, речь идет о степени осмысления носителями языка и культуры значимости корреляций между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями.

Любопытно сравнить реакции носителей языка и культуры на предлагавшиеся в опроснике выражения, специализирующиеся на решении одной задачи в людической коммуникации — высмеивание (и добродушное, и саркастическое, и понимающее, и сочувствующее) образа жизни в экс-ГДР и представлений и культурной действительности у отдельных категорий граждан этой страны. Довольно значительное число респондентов было способно корректно и адекватно осмыслить цель порождения соответствующего текста как сатирического, иронического, опираясь на свое знание языка, конвенций его употребления. Вполне ожидаемо в подавляющем большинстве случаев это были люди, прошедшие первичную социализацию в ГДР. Ср. ряд комментариев относительно отдельных выражений и особенностей решаемой продуцентом коммуникативной и когнитивной задачи (ниже выделяются средства, информирующие о степени известности носителям языка и культуры анализируемых выражений):

Пример 4: “**Bekannt** aus einer Unterhaltungssendung (Ein Kessel Bunes?) — vielleicht von Herricht oder Cohrs?, der den Witz machte: unsere Wissenschaftler hätten den Golfstrom umgeleitet”.

• “**Kenne ich nicht**, ist aber ähnlich plastisch wie Rotlichtbestrahlung (eher für eine ganze Gruppe, die sich bessern sollte)”.

Можно отметить комментарии, содержательно близкие, но формально различные:

Пример 5: “Begriff lässt sich einfach herleiten, **wurde aber nicht verwendet**”.

• “War **allgemein üblich/normale Umgangssprache** in der DDR”.

• “Eine **sehr weit verbreitete Ausdrucksweise**; **fast alltäglich** dafür, wenn man zu solchen Veranstaltungen, freiwillig“ ging, um z.B. für eine Beförderung in Betracht zu kommen”.

Отдельные респонденты были более определенны в своих суждениях и отмечали особенности умонастроения продуцента соответствующего текста и характеристики реципиентов последнего как тех, кто не разделял доминирующие в обществе того периода установки и мировоззрения ГДР. Так, респондент-историк отмечает:

⁴ Количество опрошенных не целесообразно определять точно, поскольку во многих случаях они давали коллективный (семейный) комментарий, когда участвовали представители разных поколений.

Пример 6: “Bei den anderen Worten fällt mir auf: Es sind alles Begriffe **einer Klientel, die die DDR als Staat distanziert bis hämisch betrachtete und ablehnte**, Worte der politischen Gegnerschaft innerhalb der DDR. Die sind inzwischen mehr in Vergessenheit geraten als Alltagsbezeichnungen, die mehr oder weniger unpolitisch aber eindeutig DDR-bezogen waren wie “Konsummarken”, “Poliklinik”, “Haushaltstag”, “Flimmerstunde”, “Kinderkrippe”, “Brigadetagebuch”, “Spartakiade” (ich kann noch mehr nennen)”.

Die von Dir genannten Begriffe (einige habe ich noch nie gehört) blieben oft nur in der **westdeutschen** Nachwendeliteratur erfasst, die **vorgeben wollte, DDR-Sprache zu kennen!!!** An diesen Begriffen lässt sich nicht messen, wer aus der DDR kam und wer nicht” (Выделено мной. — Л. Г.).

Были и такие респонденты, которые отмечали своего рода конкуренцию между особенностями обозначений одного и того же объекта номинации в разные эпохи — в период ГДР и после объединения Германии:

Пример 7: “Es gab dagegen lustige **“Konkurrenz”** begriffe beim Zusammenschluss beider Länder. Zum Beispiel: Aus der *Kaufhalle* in der DDR sollte der *Supermarkt* werden. Aus dem *Goldbroiler* das *Brathähnchen*. Aus der *3-Raum-Wohnung* die *3-Zimmer-Wohnung* (weil 3 Räume auch halbe sein konnten)”.

Анализ ответов респондентов позволяет с уверенностью утверждать, что носители языка хорошо распознают характер использованных языковых средств, степень их креативности и/или специализации на особенности взаимодействия:

Пример 8: “**Paste und passt auch heute noch auf viele Politiker**”. — “**Ähnliches kenne ich nur aus westlichem Spott**”. — “Das war **offizielle Sprache, keine Spitznamen oder Persiflages**”.

Носители языка могут опознать и характер коммуникативной и когнитивной задачи, решаемой носителями языка:

Пример 9: “**Wirkt auf mich wie westlicher Spott**”. — “Das habe ich **nie gehört und gibt rein sprachlich auch keinen Sinn, zumal es kaum Lackschuhe zu kaufen gab**”.

Очевидно, что при интерпретации воспринимаемых текстов носители языка и культуры опираются на коллективные представления, интериоризированные ими при социализации:

Пример 10: “**Ich kannte den Ausdruck nicht, aber hier erscheint er mir selbsterklärend**”. — “Den Witz **verstand und würde auch heute jeder verstehen, das halbleere Geschäft sah/sieht so aus. Das war in anderen Ländern genau so**”. — “**Sehr häufig bei Gesprächen darüber, wie es in der DDR war, ironisierend eingeworfen von meinen Eltern**”.

Носители языка довольно легко распознают характер номинативной стратегии, по всей видимости, потому что они в процессе социальной рецепции опираются на свое знание конвенционального, т. е. принятого в языковой культуре, употребления языковых средств и их функционального потенциала и потенциальной специализации на решении конкретных коммуникативных и когнитивных задач. Подобное знание, без сомнения, относится к разделяемому всеми носителями культуры и локализуется в ядерной части ментальной структуры и коллективной, и личностной идентичности субъектов познания и коммуникации. В данном случае общим признаком, так или иначе присутствующим в комплексе сведений о номинируемых объектах — не зависимо от природы самого объекта, — является следующий: во всех случаях это объекты социальной критики (в том числе и социальных язв, как их осмыслили граждане ГДР и Западной Германии того времени). Кроме того, не будет лишним упомянуть и такое знание, которое разделяется всеми носителями немецкой культуры, как:

- мечты и чаяния коллективного субъекта (от противного, если анализировать список изучаемых языковых средств);

- объекты преимущественного внимания для коллективного субъекта (как объекты осмеяния кабаретиста Б.-Л. Ланге);
- актуальная для того времени повестка дня для общества в целом и для определенной категории носителей языка и культуры (эпоха перед объединением Германии);
- гласные и негласные запреты, актуальные для общества до объединения, в процессе и после объединения Германии (прямое и косвенное упоминание, первичные и вторичные номинации);
- наиболее значимые сведения при категоризации воспринимаемых сведений о культурной действительности отдельных единичных субъектов, относящихся к одной категории — интеллектуалы, критически осмысляющие реальность, в которой они живут;
- наиболее востребованные способы осмысления воспринимаемой действительности в определенных ситуациях;
- структура картины мира и конфигурация ценностных ориентаций (в основных чертах);
- наиболее востребованные (и поощряемые в обществе) стратегии взаимодействия — прежде всего людические и информационные;
- сегодняшняя оценка прошедшего со стороны носителей языка и культуры, относящихся к разным поколениям и имеющих разные мировоззренческие установки и др.

Эти сведения не только объективируются, но и активируются, а также со-активируются, поскольку активируются и со-активируются через текст многочисленные связи с другими текстами, порожденными в немецкой и других культурах по разным поводам, в частности:

- связи с ценностными ориентациями, доминирующими в немецкой культуре в целом и в отдельных социальных группах (ср. примеры 1 и 2);
- связи между разными частями культуры (материальной, духовной, интеракциональной) (см. комментарии (примеры 4—10) носителей языка и культуры);
- связи между вербальным и невербальными способами объективации культурно значимых сведений;
- знания о способах и средствах реализации определенных коммуникативных стратегий;
- связи с разными текстами разного и/или одного типа и др. (ср. примеры 2 и 3).

Основами для подобной трактовки являются:

- проблематика и тематика актуального текста;
- функциональный потенциал языковых средств в конкретном тексте и в культуре в целом, а также знание об их специализации на типе коммуникативной и когнитивной задачи;
- различные способы и средства апелляции к ценностной картине мира в целом и к конкретной ценностной ориентации (например, первичное и/или вторичное номинативное средство, а также потенциал отдельных стилистических приемов: либо аллюзия, пародирование, парафраз, игра слов, прямое цитирование, косвенное цитирование и пр., в том числе и невербальное кодирование когнитивно и коммуникативно релевантных сведений);
- место активируемой ценностной ориентации в культуре в конфигурации ценностных ориентаций в конкретном социуме в конкретную эпоху бытования культуры;

- значимость активируемой ценностной ориентации в актуальной интеракции;
- знание о возможности разных способов объективации прецедентных феноменов в коммуникации.

Другими словами, носители языка понимают воспринимаемое ими, т. е. они способны установить смысл воспринимаемого. Ср.: понимание — «когнитивная деятельность (разновидность речевой деятельности), результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса)» [Демьянков: 124]⁵.

Перечисленное отрефлектированное и/или неотрефлектированное знание, вне всякого сомнения, относится к знанию, разделяемому всеми носителями культуры. Уверенность в этом базируется на том, что любой текст — да и функционирование языка как средства познания и коммуникации — вписывается в сложно организованную систему многочисленных иерархически структурированных по разным основаниям связей. Суперсистемой для языка являются социокультурные, социопсихологические отношения между социальными системами и подсистемами, трансформация которых вызывает в свою очередь изменения в использовании языка (см. приведенные комментарии (примеры 4—10) носителей языка и культуры). В структуру связей названного типа так или иначе вписываются структуры культурной, коллективной и личностной идентичности субъекта познания и коммуникации, а также способы организации интеракций разного типа. Последнее, очевидно, предполагает также и способы использования языка как средства познания и коммуникации, поскольку цель в интеракции достигается через последовательность речевых и неречевых действий, подчиненных решению одной задачи.

Обобщая, следует признать, что носители культуры и языка **владеют** знаниями о корреляции между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями. Это знание может быть хорошо и/или не очень хорошо отрефлектированным и даже совсем не осмысленным, т. е. не отрефлективанным. Тем не менее, носители языка в интеракции, будучи реципиентами, довольно легко распознают соответствующие корреляции и в состоянии предметно и весьма определенно судить о специализации той или иной номинации на характер коммуникативной и когнитивной задачи. Другими словами, они **понимают** воспринимаемое, т. е. способны «постичь смысл и значение чего-либо и достигнутый благодаря этому результат» [Философский словарь: 333]⁶.

⁵ Комментарии носителей языка и культуры (см. примеры 4—10) позволяют судить о том, на какие именно сведения о мире они опираются, чтобы убедиться в своем понимании предъявленного им выражения. Ср. с анализом В.З. Демьянкова, который, обобщая различные теоретические трактовки понимания, характеризует несколько модулей понимания: использование языкового знания — построение и верификация гипотетических интерпретаций — «освоение» сказанного — реконструкция намерений автора — установление степени расхождения между внутренним и модельными мирами — установление связей внутри модельного и внутреннего миров — соотнесение модельного мира с непосредственным восприятием действительности — соотнесение с линией поведения — выбор «тональности», или «ключа» [Демьянков: 124—126].

⁶ Ср.: понимание — «вызванное внешними или внутренними воздействиями специфическое состояние сознания, фиксируемое субъектом как уверенность в адекватности воссозданных представлений и содержания воздействия» [Философский словарь: 333—334].

Способность носителей языка адекватно выбирать способ и средства решения конкретной коммуникативной и когнитивной задачи основывается на знаниях, которые разделяют все носители языка и культуры и которые присутствуют в ядерной части ментальных структур коллективной и личностной идентичности носителей языка и культуры. Однако владение этим знанием не обязательно является гарантией успешности выбора средств и способов решения некоторой конкретной коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных актуальных условиях. Это обусловлено не только полифункциональностью языковых средств разного уровня иерархии и зависимостью их функционирования от многочисленных гетерогенных факторов, внешних и внутренних для порождаемого текста, но и поливариантностью соотношения «инвариант ↔ варианты», а также от того обстоятельства, что и восприятие — и в особенности социальная перцепция, какой является по своей сути взаимодействие носителей языка и культуры, — и рецепция, и порождение текста, и его рецепция представляют собой, по сути, интерпретации, подлежащие на каждом этапе порождения и рецепции влиянию многочисленных, разнородных и разнонаправленных факторов.

Список источников

- Личный архив автора статьи.
 Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.
 Lenta.ru. Февраль 2024 года.
 Lange Bernd-Lutz. Bonzenschleuder und Rennrappe, *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*, Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000. S. 24—32.
 Lange Bernd-Lutz. Die Zwei-Klassen-Gesellschaft, *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*, Stuttgart; Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000. S. 69.

Список литературы / References

- Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. Воронеж: ВГУ, 2007. 261 с.
 (Grishaeva L.I. Peculiarities of language use and cultural identity of communicators, Voronezh, 2007, 261 p. — In Russ.)
 Гришаева Л.И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. 291 с.
 (Grishaeva L.I. Variation of text in communication, Voronezh, 2020, 291 p. — In Russ.)
 Демьянков В.З. Понимание (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung; comprehension, entendement) // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
 Demyankov V.Z. Understanding (understanding, comprehension; Verstehen, Verständigung; comprehension, entendement), *A concise dictionary of cognitive terms*, Moscow, 1997, 245 p. — In Russ.)
 Grishaeva L.I. Konstruktion vom Simularkrum, ludophile Texte, soziale Kritik und Präzedenzphänomene als sekundäres nominatives Ausdrucksmittel // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 19. Нижний Новгород: НГЛУ, 2022. С. 120—144.
 (Grishaeva L.I. Construction of the simulacrum, ludophile texts, social criticism and precedent phenomena as a secondary nominative means of expression, *Russian Germanic Studies. Yearbook of the Russian Union of Germanists*, vol. 19, Nizhniy Novgorod, 2022, pp. 120—144 — In German).